

УДК: 9.929, 9.902

IGOR L'VOVICH TIKHONOV

*Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Archaeology,
Institute of History, Saint Petersburg State University,
Head of Museum of History of the Saint Petersburg State University,
199034, Russian Federation, Saint Petersburg, Universitetskaya nab., 7/9.
E-mail: I.Tikhonov@spbu.ru*

F.A. Braun – professor, dean, vice-rector of Saint Petersburg University

The article is devoted to the biography and scholar activities of the philologist and historian, professor of Saint Petersburg University F.A. Braun (1862–1942), who created a great contribution to the development of native German and Scandinavian studies. Works of F.A. Braun in archeology are explored for the first time. In 1905 he was elected as the Dean of History and Philology Faculty, also he was elected by his colleagues as a vice-rector of the University in the next year. While serving as a vice-rector, Braun has earned the love and respect of the students, as he was always advocated in their interests. In 1908 he was forced to leave the post of vice-rector, because of a disagreeing with the Ministry of Education, which was pressing on the student freedom. After that F.A. Braun was elected several times as the Dean of History and Philology Faculty. In 1920 he moved to Germany and became a professor at the University of Leipzig. He continued to keep in touch with Russian scientists. A valuable source of information about his life and activities in this period is in his letters to Professor S.F. Platonov.

Keywords: *F.A. Braun, Saint Petersburg State University, archeology, Goths, Crimea.*

ИГОРЬ ЛЬВОВИЧ ТИХОНОВ

*доктор исторических наук, профессор кафедры археологии,
Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета,
заведующий Музеем истории СПбГУ,
199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.
Тел.: 328-96-83, e-mail: I.Tikhonov@spbu.ru*

Статья посвящена биографии и научной деятельности филолога и историка, профессора Санкт-Петербургского университета Ф.А. Брауна (1862–1942), внесшего большой вклад в становление отечественной германистики и скандинавистики. Впервые освещаются работы Ф.А. Брауна в области археологии. В 1905 г. он был избран деканом историко-филологического факультета, а в следующем году коллеги избрали его проректором университета. На посту проректора Браун снискал любовь и уважение со стороны студентов, защитником интересов которых всегда выступал. В 1908 г. он был вынужден оставить пост проректора, не соглашаясь с наступлением министерства народного просвещения на студенческое самоуправление. После этого Ф.А. Брауна еще несколько раз избирали деканом историко-филологического факультета. В 1920 г. он переехал в Германию и стал профессором Лейпцигского университета, продолжая поддерживать тесные научные связи с российскими учеными. Ценным источником информации о его жизни и работе в этот период является переписка с профессором С.Ф. Платоновым.

Ключевые слова: *Ф.А. Браун, Санкт-Петербургский университет, археология, готы, Крым.*

Ф.А. Браун – профессор, декан, проректор Санкт-Петербургского университета*

В первые два десятилетия XX в. заметную роль в жизни Санкт-Петербургского университета играл профессор Ф.А. Браун, неоднократно избиравшийся деканом историко-филологического факультета, а в 1906–1908 гг. являвшийся проректором университета. Литература о его жизни и деятельности чрезвычайно скудна и насчитывает всего несколько наименований. За исключением кратких сведений справочного характера в различных энциклопедиях и справочниках, в опубликованных ранее статьях рассматривались только некоторые вопро-

сы, связанные с его научными трудами в области германистики [1], скандинавистики [2], археологии [3] и университетской деятельности [4]. Это позволяет вновь обратиться к его биографии и научной деятельности.

Федор Александрович Браун (по метрическому свидетельству – Фридрих-Агафон-Марий) родился 20 июля 1862 г. в Петербурге в семье врача Мариинской больницы для бедных Александра-Вильгельма Брауна и его жены Доротеи-Юлии, урожденной Штейн [5, л. 2]. Их предки происходили из не-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 16-06-00528.

большого городка Рюдесхайм на правом берегу Рейна, расположенного в 30 километрах от Майнца. Среднее образование мальчик получил в Первой Санкт-Петербургской гимназии, располагавшейся недалеко от их дома, так как семья петербургских немцев жила на Кабинетной улице. В 1881 г. Федор Браун окончил гимназию с золотой медалью и поступил на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета.

В университете он занимался санскритом и сравнительным языкознанием у профессора И.П. Минаева и славянской филологией у профессора И.В. Ягича, но его главным учителем стал Александр Николаевич Веселовский – основоположник знаменитой филологической школы. Под руководством Веселовского он изучал романо-германскую филологию и литературу. Написанное в конце учебы Брауном студенческое сочинение об англосаксонской поэме «Беовульф» было удостоено золотой медали. В 1885 г. он окончил университет с дипломом кандидата, получив по всем предметам, кроме философии, отличные оценки. По рекомендации Веселовского его оставили при кафедре для подготовки к магистерским экзаменам и профессорской деятельности – аналог современной аспирантуры. Важной частью такой подготовки в то время считались заграничные командировки, дающие возможность аспирантам продолжить обучение в лучших европейских университетах. Получив осенью 1885 г. оплачиваемую командировку на два года от Петербургского университета, Ф.А. Браун отправился за границу. Он посетил Германию, Швейцарию, Францию и Англию и больше всего времени провел во Фрейбургском университете, занимаясь у лингвистов Карла Бругмана и Германа Пауля. Уже тогда стала определяться его специализация как германиста, причем особо его привлекали вопросы не строго лингвистические, а общий круг проблем, касавшихся древностей в широком понимании этого слова. Такой подход был в целом характерен для школы А.Н. Веселовского, царицей наук считающей не философию, а историю [1, с. 15]. Центральное место в научном творчестве Брауна стали занимать вопросы, связанные с областью взаимоотношений славянского и германского миров, чему немало способствовали его личные обстоятельства – немецкое происхождение и русское воспитание.

По возвращении из-за границы Браун сдал магистерские экзамены и был допущен в 1888 г. к чтению лекций в качестве приват-доцента по кафедре истории западноевропейских литератур (рис. 1). Темами его пробных лекций, прослушанных профессорами факультета, были: «Хронология исторических наслоений в саге о Нибелунгах» и «Вопрос о родственных отношениях индоевропейских языков между собой и о положении между ними германских наречий» [6, л. 36]. Одновременно он был назначен лектором (преподавателем) немецкого языка, так как освободилась эта вакансия. Поскольку должность приват-доцента могла быть вообще не оплачиваемой, а жалование лектора составляло всего 1 000 руб. в год, приходилось искать дополнительные заработки.

В 1890-е гг. Браун много занимался преподавательской работой в различных учебных заведениях, среди которых были Александровский лицей, Николаевский сиротский институт, училище св. Екатерины, гимназия М.Н. Стоюниной и др. Он считался одним из лучших специалистов по немецкому языку в Петербурге, к нему часто обращались государственные и судебные инстанции в связи с необходимостью абсолютно точных переводов документов.

Рис. 1. Ф.А. Браун (1862–1942)

Активная преподавательская деятельность не мешала ему вести серьезную научную работу. Заинтересовавшись вопросом о крымских готах, Ф.А. Браун выпустил небольшую книжку на эту тему на немецком языке, которая стала его первой научной работой [7]. Не ограничившись изучением немногочисленных письменных источников о готах, в 1890 г. Браун обращается в Императорскую археологическую комиссию с запиской о необходимости поисков следов готов в Северном Причерноморье. Русское археологическое общество поддержало его ходатайство и просило разрешить изыскания в Мариупольском округе и горном Крыму для изучения православного татарского населения, «в которых г. Браун предполагает потомков готов» [8, л. 1]. Археологическая комиссия выделила на эту поездку 300 рублей.

Первоначально Браун занялся поисками следов готского языка в окрестностях Мариуполя, куда переселилась в 1778 г. часть греческого и татарского населения Крыма, но не обнаружил ни одного слова, которое можно было бы связать с готами. Зато ученому бросилось в глаза различие между двумя этническими типами местного населения, в одном из которых он увидел «готский тип». Не получив от этнографии и лингвистики ожидаемых результатов,

Браун пришел к выводу, что остается «один только путь – археологические разыскания в самой Крымской Гори» [9, с. 84, 92].

Изначально планировалось провести раскопки на Мангупе, в Сюрени, в деревне Бия-сала и Партените, но за недостатком времени и средств пришлось ограничиться только Мангупом. Поселившись прямо на городище в одной из пещер, Браун в течение 28 дней вел там раскопки. Отчет об этих исследованиях был представлен в Археологическую комиссию [10, л. 18–31] и позднее с некоторыми сокращениями опубликован в ее издании [11, с. 15–21]. Отметив деление хорошо укрепленного поселения на три части: цитадель, средний и нижний город, – исследователь попытался начать раскопки во всех трех частях с целью установления исторической планиграфии города. В цитадели он открыл фундамент восьмигранной церкви, в средней части города вскрыл 12 погребений. В нижней части, начав раскопки большого холма, Браун обнаружил остатки большой базилики, которые интерпретировал как ограду кладбища и кладбищенскую церковь, окруженную склепами. Современные исследователи Мангупской базилики, опираясь на отзывы А.Л. Бертье-Делагарда и Р.Х. Лепера, считают эти полевые исследования Ф.А. Брауна крайне несовершенными и плохо документированными [12, с. 308; 13, с. 411]. Тем не менее А.Г. Герцен полагает, что с раскопок Ф.А. Брауна начинался новый этап изучения оборонительных сооружений Мангупа [14, с. 91].

Это был первый опыт полевых археологических работ Ф.А. Брауна, который до 1890 г. самостоятельных раскопок никогда не производил. Тем более нужно отметить, что к отчету были приложены план восьмиугольной церкви, рисунки найденных вещей и 19 фотоснимков. В то время фотография еще только начинала использоваться для археологической фиксации, и полевые отчеты очень редко сопровождались фотоснимками. Стоит также отметить, что в ходе раскопок были сделаны важные находки – две надписи, одна из которых содержала упоминание названия крепости Феодоро, являвшейся столицей одноименного средневекового княжества, что давало веские доводы, для того чтобы локализовать ее на Мангупе. Немногочисленные находки в виде пяти наконечников стрел были переданы в Артиллерийский музей, а обломок железного стремени, шпоры, фрагменты надписей, архитектурных деталей и фресок – в музей Таврической ученой архивной комиссии.

Следующий эпизод археологической деятельности Ф.А. Брауна тоже связан с поисками готов в Восточной Европе, но происходил он не в Северном Причерноморье, а в Прибалтике. В июне 1892 г. он обратился в Археологическую комиссию с заявлением, в котором предложил новые раскопки Альт-Раденского могильника на территории усадьбы Утинг в Баусском уезде Курляндской губернии. Могильник был открыт в 1886 г., и по поручению Археологической комиссии там были проведены раскопки, в ходе которых были открыты погребения с богатым инвентарем. Эти находки заинтересовали известного

шведского археолога Оскара Монтелиуса, предположившего их принадлежность племенам готов или вандалов и датировавшего их первыми веками н. э. Ф.А. Браун склонялся к более поздней датировке могильника VII–X вв. и полагал необходимыми новые раскопки на неисследованной части луга на берегу Немана, чтобы «восполнить пробел, оставленный при прежних работах: а именно точно констатировать расположение могил, способ погребения и т. д.» [15, л. 2]. Комиссия отпустила 150 руб., и в ходе проведенных раскопок Браун обнаружил три погребения с шейными бронзовыми гривнами, булавами, фибулами, железными кинжалами. Опись находок насчитывала 35 номеров бронзовых и железных вещей, еще 11 предметов было приобретено у местного населения. Эти находки вместе с другими из раскопок в данном регионе были переданы Археологической комиссией в Виленский музей древностей и демонстрировались на выставке к IX-му Археологическому съезду, состоявшемуся в Вильне в августе 1892 г. В благодарственном письме председатель съезда графиня П.С. Уварова сообщала, что эти экспонаты послужили ядром выставки и составили ее лучшее украшение [16, л. 111]. Активные поиски археологических следов готов привели к тому, что, как записала в 1894 г. в своем дневнике Н.Н. Шамонова, жена историка С.Ф. Платонова, академик В.Г. Васильевский окрестил Брауна «Готокопом» [17, л. 54].

В 1896 г. в Археологической комиссии освободилась должность штатного члена, так как В.Г. Дружинин перешел в Археологическую комиссию, и с 1 декабря этого года Ф.А. Браун стал штатным членом Императорской археологической комиссии с «оставлением в занимаемой должности» приват-доцента и лектора Петербургского университета [18, л. 14]. Накануне этого назначения председатель комиссии граф А.А. Бобринской утвердил «Положение о распределении обязанностей служащих Археологической Комиссии» согласно которому, каждый из ее трех штатных членов должен был заведовать отдельным районом. В «зону ответственности» Брауна входила огромная территория от 55-й широты до Черного моря, Северного Кавказа и Каспия. Крымский полуостров, естественно, тоже подлежал его ведению и в конце 1890-х гг. Брауну приходилось докладывать на заседаниях комиссии о текущей реставрации Бахчисарайского дворца, крепости Алустон, осматривать раскопки Херсонеса. Директор Керченского музея К.Е. Думберг и заведующий Херсонесскими раскопками К.К. Косцюшко-Валюжинич в научном отношении должны были начинаться ему [19, с. 168–169].

В 1897 г. вице-губернатор Екатеринославской губернии сообщил в Археологическую комиссию о том, что крестьяне с. Бородаевки начали раскопки кургана, находящегося в Острой балке Днепровско-каменной дачи. Комиссия поручила Ф.А. Брауну осмотреть этот курган, произвести его раскопки и, «если найдет нужным», раскопки ближайших от него курганов; также осмотреть раскопки Херсонеса, посетить Керчь и вместе с директором музея древ-

ностей К.Е. Думбергом обсудить план раскопок на будущий год; а на обратном пути посетить Старый Крым. При осмотре «курган» показался Брауну естественным холмом, возникшим вследствие обвала значительной глыбы земли с крутого южного склона балки. Остальное время он провел на раскопках Херсонеса и Керчи и даже съездил на Таманский полуостров для осмотра памятников в окрестностях Сенной [20].

Наиболее ярким эпизодом недолгой службы Ф.А. Брауна в Археологической комиссии стали раскопки курганов в Таврической губернии летом 1898 г. (рис. 2). Комиссия, выделив 1800 руб., послала Ф.А. Брауна для раскопок «перспективных» курганов. Для полевых работ была нанята артель рабочих из Керчи, которым заплатили 1345 руб. за раскопку шести курганов, еще 225 руб. пришлось потратить на их проезд из Керчи и обратно [21, л. 80–82].

Ф.А. Браун исследовал четыре насыпи у с. Нижние и Верхние Серагозы, в которых были обнаружены погребения различных эпох, начиная с бронзового века, и два крупных кургана в окрестностях с. Большая Белозерка. Первый содержал около двадцати погребений, второй, имеющий высоту более 5 метров, именовался местными жителями Чмыревой могилой. Центральное погребение оказалось полностью разграбленным и почти уничтоженным. Боковая катакомба, в которую была пробита тринадцатиметровая грабительская мина, тоже была ограблена. Тем не менее просеивание через грохот ее заполнения дало свои результаты – были найдены золотые бляшки, в том числе с изображениями борющихся скифов и крылатых зверей; золотая пронизка и бусина; бронзовые наконечники стрел; остатки железного доспеха. Главным открытием стало захоронение десяти коней с богатым убором. Браун подробно описал каждый конский убор в соотноше-

нии со скелетом лошади. В отчете, который позднее был опубликован с небольшими сокращениями [22, с. 81–116], содержались планы расположения погребений в курганах, планы и разрезы погребальных камер, рисунки и фотографии находок. Если сравнивать этот отчет с отчетом о раскопках на Мангупе в 1890 г., то явно видно, как исследователь приобретал опыт полевых работ и совершенствовал методы раскопок и фиксации.

14 февраля 1900 г. Ф.А. Браун подал рапорт председателю Археологической комиссии графу А.А. Бобринскому с просьбой об увольнении от должности штатного члена комиссии, мотивируя это желанием сосредоточиться на продолжении научных работ, «требующих усиленного труда и значительной затраты времени» [18, л. 16]. Этому шагу предшествовало несколько обстоятельств. Во-первых, 31 января 1900 г. была утверждена его магистерская диссертация, представленная в виде книги «Разыскания в области гото-славянских отношений. I. Готы и их соседи до V века. Первый период: Готы на Висле», опубликованной в 1899 г. в Сборнике ОРЯС Петербургской АН [23]. Защита открывала ему доступ к профессорской должности в университете, которую он и получил в начале августа 1900 г. вместе с обязанностями секретаря историко-филологического факультета. Жалование экстраординарного профессора составляло 2 000 руб. в год, что немногим уступало окладу штатного члена комиссии. Во-вторых, в самой комиссии на рубеже веков разгорелся кадровый конфликт, в котором с одной стороны участвовали ее «ветераны» В.Г. Тизенгаузен и делопроизводитель И.А. Суслов, а с другой члены, начавшие работать в 1890-е гг. – Н.И. Веселовский и А.А. Спицын. Председатель встал на сторону вторых, а Ф.А. Браун, судя по всему, примыкал к первым [19, с. 175]. Не желая совсем терять ценного сотрудника, А.А. Бобринской

Рис. 2. Раскопки кургана «Чмырева могила». В центре Ф.А. Браун. (ИИМК РО. Ф. 1. 1898 г. Д. 76. Л. 53)

добился назначения его сверхштатным членом Археологической комиссии, которое последовало в декабре 1900 г.

Помимо Археологической комиссии Ф.А. Браун активно участвовал в научной работе Русского археологического общества. В 1898 г. на его общем собрании он выступил с докладом о раскопках Чмыревой могилы, а в заседании Отделения русской и славянской археологии сделал доклад «Устье Дуная по Птолемею». В последующие годы он в заседаниях этого отделения сделал еще семь докладов, посвященных тематике варяжско-славянских контактов и новых находок рунических надписей. Среди них были «Устье Дуная по Птолемею» (1898 г.), «Новые работы по этнографии германского мира» (1900 г.), «Некоторые варяжские имена в Киево-Печерском патерике» (1902 г.), «Шведские рунические надписи, касающиеся Руси и Византии» (1903 г.), «Русские князья в исландских сагах» (1904 г.), «Шведская руническая надпись, найденная на о. Березани» (1907 г.), «Варяжские памятники близ Ненасытинского порога на Днепре» (1912 г.) [24, л. 58]. Некоторые из этих докладов были опубликованы в виде отдельных статей [25–29].

В начале XX столетия от продолжения готской тематики Ф.А. Брауна отвлекло поручение Академии наук подготовить план издания скандинавских источников по истории Древней Руси [2, с. 222]. В ходе этой работы Браун собрал и проанализировал исландские саги, содержащие сюжеты, которые были связаны с Русью. Кроме саг, его особое внимание привлекли памятники рунической письменности, и во время трех поездок по Швеции он обследовал более 80 камней и стел, содержащих руны. В Стокгольме особое внимание Браун обратил на Национальный музей, о котором писал: «Я не знаю музея (археологического) более благоустроенного и поучительного <...>, а шведские археологи, несомненно, самые блестящие представители этой науки по строгости метода и широте научных воззрений». Из них особо он выделял Оскара Монтелиуса, с которым «сошелся ближе всего», и сообщал, что ежедневно более шести часов занимается с коллекциями музея [30, л. 9об.]. Позднее в 1913 г., по предложению Брауна, Монтелиус был избран почетным членом Санкт-Петербургского университета [31, с. 98]. Ученый готовил специальный том, посвященный руническим надписям, содержащим сведения о Руси, но по различным причинам этот труд остался незавершенным. Длительные занятия готской и скандинавской тематикой привели Брауна в лагерь убежденных норманистов, отстаивавших заметную роль варягов в ранней истории Древней Руси. Так, еще в 1901 г. он писал С.Ф. Платонову: «Мое “упорное норманство” удивляет Вас? Да, я упорный норманист, боюсь даже, что принадлежу к “крайней левой”. Я ставлю вопрос несколько иначе, чем его ставил, например, Куник. <...> признаю возможность германского воздействия до варягов <...> во сне и наяву вижу варягов, думаю по-варяжски и решаю вопрос о том, какие у Рюрика были усы, черные или светлые? Должно быть

русые. Но не бойтесь: с новой теорией о происхождении Руси я выступать не намерен» [32, л. 12об., 15].

Историк Древней Руси М.Б. Свердлов считал, что значение трудов Ф.А. Брауна по изучению скандинавских источников трудно переоценить, поскольку в них впервые был выработан единый взгляд на различные по происхождению сведения скандинавских источников о древнерусском государстве. Многие из этих источников впервые были введены им в научный оборот. Эти труды Ф.А. Брауна способствовали дальнейшему плодотворному изучению этой группы источников, которое было продолжено его учениками – К.Ф. Тиандером, В.А. Бримом, Е.А. Рыздзевской [2, с. 225]. При изучении этих эпиграфических источников Браун попытался опять в полной мере привлечь археологию. Так, в мае 1912 г. он обращался в Археологическую комиссию с просьбой о командировке в 1913 г. к Днепровским порогам для изучения камня, обнаруженного в кургане у Ненасытицкого порога. Был получен открытый лист и 250 руб. на это исследование, однако произвести его Браун не смог и в декабре 1913 г. возвратил деньги в кассу министерства императорского двора. На лето 1914 г. был получен новый лист и опять та же сумма, но работы снова не состоялись «по независящим от него причинам» [33, л. 1–14]. Причиной этой была начавшаяся война.

Все десятилетие, предшествовавшее мировой войне, было также временем активной и плодотворной педагогической и административной работы Ф.А. Брауна. В 1900 г. после защиты магистерской диссертации он был утвержден исполняющим должность экстраординарного профессора и избран секретарем историко-филологического факультета. В 1905 г. после частичного восстановления автономии университета Ф.А. Браун был избран деканом историко-филологического факультета, сменив на этом посту более консервативного и умеренного С.Ф. Платонова. В качестве декана он выступал за расширение университетской автономии и, в частности, за предоставление младшим преподавателям (приват-доцентам и лекторам) права участия в работе университетского Совета [34, с. 46]. Положение университетской администрации после введения «Временных правил» 1905 г. оказывалось очень двойственным и шатким. Новый декан это хорошо понимал, и «Петербургский листок» в интервью с ним писал: «Наше положение крайне неопределенное. Нам дана автономия, самое широкое выборное начало, а оставлен в силе устав 1884 г., – устав, по которому мы самостоятельного пикнуть не смеем. Вот нам и придется искать нечто среднее между этими двумя положениями» [35, с. 76].

В 1906 г. Ф.А. Браун был избран проректором университета. Должность проректора была недавно учреждена взамен поста инспектора студентов, и таким образом Браун должен был заниматься всеми вопросами, связанными со студенческими делами, а также замещать ректора в его отсутствие. На посту проректора Браун сумел снискать уважение коллег и «своим дружески чутким отношением, исключительной отзывчивостью к студенческим

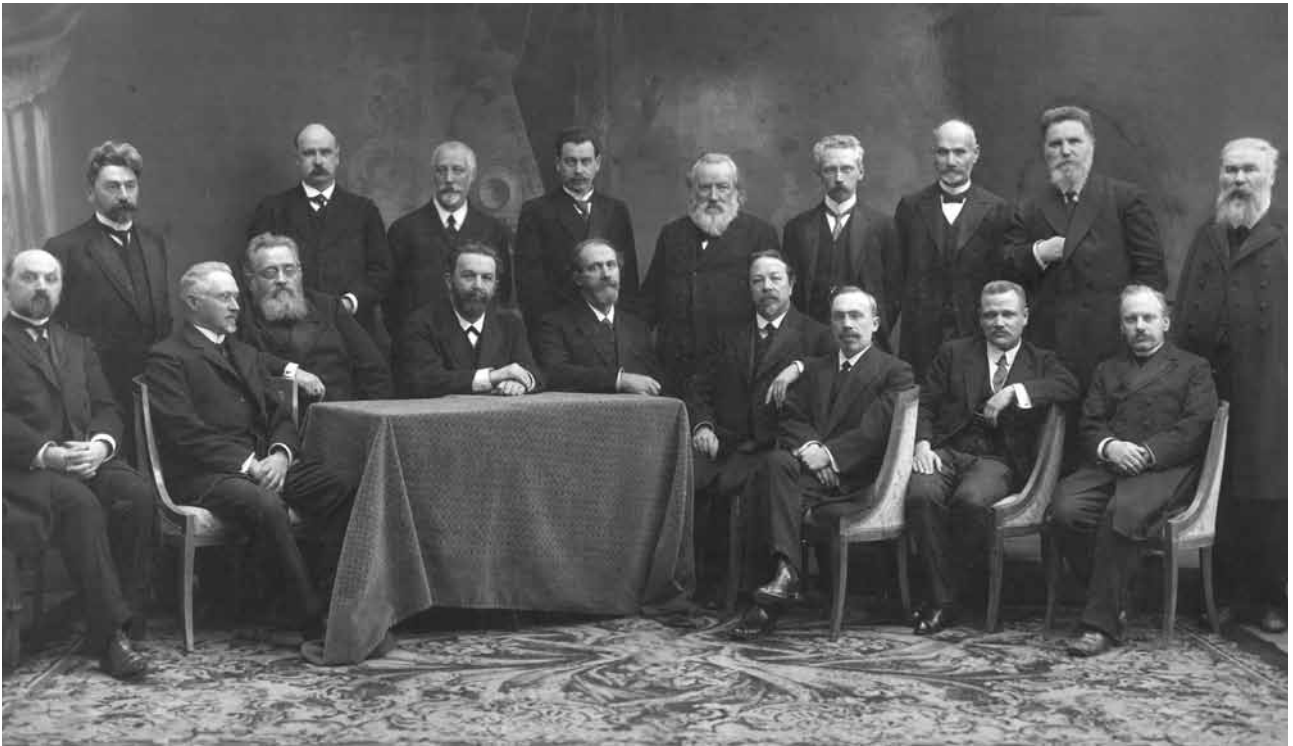

Рис. 3. Профессора историко-филологического факультета Петербургского университета. Слева направо сидят: Б.А. Тураев, С.Ф. Платонов, И.А. Шляпкин, Ф.А. Браун, Ф.Ф. Зелинский, С.К. Булич, С.А. Жебелев, М.И. Ростовцев, А.А. Шахматов; стоят: Д.В. Айналов, Д.К. Петров, И.М. Гревс, А.И. Введенский, И.И. Кареев, Э.Д. Гримм, И.А. Бодуэн де Куртенэ, И.Д. Андреев, П.А. Лавров. 1 октября 1913 г. (Музей истории СПбГУ)

нуждам и интересам всеобщие симпатии и любовь со стороны петербургского студенчества» [36, с. 785]. О большой популярности его среди студентов говорит и тот факт, что на чествование Ф.А. Брауна по случаю 25-летия преподавательской деятельности в 1913 г. собралось около двух тысяч студентов. Однако в августе 1908 г. он был вынужден отказаться от высокооплачиваемой должности проректора в знак протеста против наступления министерства народного просвещения на права университетского Совета и органы студенческого представительства и самоуправления. Этому предшествовал его отказ подчиниться инструкции министерства от 5 февраля 1908 г., запрещающей деятельность Совета студенческих старост и усиливающей надзорные функции проректора по отношению к студентам. Браун считал эти требования, «несовместимыми с достоинством профессора» и представляющими «серьезную опасность для академической жизни» [37, с. 93]. В заседании Совета университета 28 августа 1908 г. он представил специальное заявление, в котором указал, что упразднение института старост и ограничение права Совета в лице ректора и проректора разрешать студенческие собрания «лишают меня, к сожалению, возможности оставаться впредь на проректорском посту» [38, с. 128]. Совет благодарил Ф.А. Брауна за добросовестное выполнение обязанностей проректора продолжительными аплодисментами и просил остаться до начала учебного года. В итоге Браун выполнял обязанности проректора до конца октября 1908 г.

В конце того же 1908 года Браун опять был избран деканом историко-филологического факультета, что

являлось явной фрондой факультетской корпорации по отношению к министерству. К этому времени он уже имел чин действительного статского советника и был награжден орденами св. Владимира 4-й степени, св. Анны 2-й и 3-й степени, св. Станислава 2-й и 3-й степени. Жалованье декана с квартирными и столовыми суммами составляло 4200 руб. в год [39, с. 2]. Однако через два года Браун сложил с себя полномочия декана в связи с необходимостью продолжить большую научную работу. В марте 1910 г. при выборах ректора университета он был в списке кандидатов и получил 31 голос, но ректором был избран профессор юридического факультета Д.Д. Гримм, набравший 58 голосов [40, с. 68].

В январе 1912 г. профессора факультета вновь единогласно избрали Ф.А. Брауна деканом, подтвердив свой выбор на новое четырехлетие и в 1916 г. (рис. 3). Как лингвист и руководитель историко-филологического факультета, он большое внимание уделял проблемам преподавания иностранных языков, неоднократно отмечая неудовлетворительность постановки этого дела в университете, и выдвигал проект подготовки преподавателей иностранных языков при кафедре романо-германской филологии [41, л. 25–27]. Подобная идея о создании особого Неофилологического института появилась у него еще в начале 1900-х гг. Во всяком случае, он высказывал ее в письме к С.Ф. Платонову от 19 июня 1901 г. [32, л. 11].

Участвовал профессор и в работе студенческого «Кружка Романо-Германистов». В 1911 г. в этом кружке были прочитаны доклады о мистике в поэзии первых немецких романтиков В.М. Жирмунского;

о поэзии трубадуров М.И. Либеровской; отрывки из собственного перевода романа немецкого философа и писателя последней четверти XVIII в. Новалиса (Фридриха фон Гарденберга) «Генрих фон Офтердинген» З.В. Гиппиус [42, с. 214]. В октябре 1912 г. Н.С. Гумилев, учившийся в это время на романо-германском отделении, предлагал Брауну учредить под его руководством особый кружок «для изучения поэтов», но профессор отказался, ссылаясь на занятость. В 1912 г. литографским способом были изданы лекции Ф.А. Брауна «Введение в германскую филологию».

На посту декана Ф.А. Брауну опять пришлось противостоять политике министерства народного просвещения, теперь возглавляемого Л.А. Кассо. В 1912 г. произошло очередное обострение отношений либеральной профессуры с министерством, вызванное несколькими назначениями на должности профессоров вопреки решению университетского совета. А.Е. Пресняков в своем дневнике отмечал, что часть кадетской профессуры и среди них Ф.А. Браун заговорили об уходе в отставку по примеру профессоров Московского университета [43, с. 734]. Однако ректору Э.Д. Гримму удалось убедить коллегу, что это не выход из положения, и позднее Ф.А. Браун сам стал убеждать бывших идейных сторонников в бессмысленности подобного шага: «Мы не хотим стать послушным орудием в руках министерства, не хотим быть холопами, которых барин перемещает из одного имения в другое. <...> Пример Москвы ужасен. Мне бы не хотелось, чтобы и про нас говорили: сами виноваты, бросили дело, обидевшись» [44, с. 219]. По своим политическим взглядам и убеждениям Ф.А. Браун примыкал к либеральному крылу профессорской корпорации университета и являлся членом кадетской партии. После революции среди секретных бумаг министерства была найдена характеристика профессора Брауна как политически неблагонадежного человека [45, с. 234].

Еще с 1893 г. Ф.А. Браун стал профессором Высших женских (Бестужевских) курсов, где читал лекции по истории западноевропейской литературы и вел многочисленные семинарии по готскому и древнегерманскому языкам, творчеству Гете, германским древностям. Участницы занятий через много лет вспоминали, что «лекции его, яркие по содержанию и очень увлекательные по форме, привлекали, кроме основной аудитории, большое число вольнослушательниц» [46, с. 110]. После смерти своего учителя А.Н. Веселовского Браун с 26 ноября 1907 г. возглавил Неофилологическое общество при Петербургском университете, к деятельности которого привлекал многих студентов и курсисток. В 1915 г. члены общества, коллеги по факультету и ученики посвятили Ф.А. Брауну восьмой выпуск «Записок Неофилологического общества». Один из его учеников, В.М. Жирмунский, впоследствии стал выдающимся лингвистом и литературоведом, академиком АН СССР, почетным членом и доктором многих европейских академий и университетов.

В 1918 г. Браун сложил с себя полномочия декана, так как был избран директором Историко-филологического института, вскоре переименованного в Педагогический институт, но продолжал читать лекции в университете. Также он продолжал работу в Археологической комиссии, которая была в 1919 г. преобразована в Российскую академию истории материальной культуры, где он возглавлял комиссию по исторической географии. Участвовал в работе методических комиссий Наркомпроса по реформе педагогического образования. Н.Н. Платонова приводит в своем дневнике сведения, что в начале сентября 1919 г. Ф.А. Браун был арестован вместе с другими видными членами партии кадетов: С.Ф. Ольденбургом, Д.Д. Гриммом [47, л. 9об.]. Но если это сообщение и соответствовало действительности, то долго в заключении он не пробыл.

В марте 1920 г. Ф.А. Браун, получив командировку от Петроградского университета, уезжает в Германию для научной работы и лечения (он смолodu страдал болезнью горла). Там Браун принял предложение Лейпцигского университета прочесть курс лекций по германским древностям. В последующие два года Лейпцигский университет удостоил Брауна степени доктора философии и избрал профессором. Несмотря на это, в его письмах в Петроград начала 1920-х гг. все время звучали мотивы возвращения: «Тоска по близким людям и родным местам растет, несмотря на привольное житье здесь по сравнению с жизнью в Питере. <...> Стараюсь не терять связь, чтобы иметь возможность вернуться, как только смогу» [48, с. 386]. За границей Браун оказался одним из немногих ученых, который первоначально выступил сторонником яфетической теории Н.Я. Марра и даже наладил выпуск серии «Japhetische Studien» в Лейпциге. В русле этих идей о языковом единстве первоначального населения всего Средиземноморья были написаны работы о первобытном населении Европы и происхождении германцев, изданные в Берлине на русском языке [49] и в Штутгарте на немецком [50]. Но когда он к 1925 г. окончательно убедился в том, что Марр вместо строгой научной теории конструирует систему априорных постулатов, их дальнейшие пути совершенно разошлись [48, с. 390].

В 1923–1925 гг. Ф.А. Браун вместе с М. Горьким участвовал в издании выходящего в Берлине научно-литературного журнала «Беседа». Осенью 1926 г. он возглавил кафедру и институт истории Восточной Европы при Лейпцигском университете. Ценнейшим источником сведений о жизни и деятельности Ф.А. Брауна в Германии в 1920-е гг. являются его письма к давнему коллеге по Петербургскому университету историку С.Ф. Платонову, сохранившиеся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки. В своих письмах он сообщал, что в основном занимается преподаванием русской истории, изучает переписку Екатерины II, хранящуюся в Цербсте. Много места в деятельности Брауна в это время занимает пропаганда в Германии русской науки и культуры. По его инициативе осуществляются переводы на немецкий язык «Истории России» В.О. Ключ-

чевского и курса лекций С.Ф. Платонова. Сам публикует библиографию немецкой научной литературы за 1914–1924 гг. и статьи о русской интеллигенции, о высшей школе в СССР [1, с. 19]. Многие строчки его писем свидетельствуют о том, что Ф.А. Браун, живя и работая в Германии, воспринимал себя как русского ученого, волею судьбы оказавшегося на чужбине: «Встретиться с Вами там, а не здесь, на чужой дороге. <...> Ведь я им, в конце концов, чужой. <...> Слышал, что Шмидт-Отт считал меня в недостаточной степени “немцем” и опасался, что я буду недостаточно объективен в оценке результатов русских раскопок. <...> Немцам куда до нас! Говорю это совершенно серьезно и убежденно. У них тоже есть деловитость, но другого сорта, она более сводится к аккуратности, она какая-то тяжеловатая, медлительная, без подъема и изюминки. Крепкое чувство долга – и только!» [51, л. 10, 10об., 18об., 28].

В январе 1927 г. по представлению С.Ф. Платонова, И.Ю. Крачковского и С.Ф. Ольденбурга [52] Ф.А. Браун был избран членом-корреспондентом АН СССР. Это были последние свободные выборы в Академию, проводившиеся еще по дореволюционному уставу. Этим званием профессор Лейпцигского университета очень гордился и неоднократно выступал в качестве официального представителя Академии на различных мероприятиях, например, таких как Филологический съезд в Геттингене в 1927 г. или столетний юбилей Германского археологического института в 1928 г. В гостях у него бывали многие русские ученые, как эмигранты, так и приезжавшие из СССР. Только в конце июня и июле 1927 г. Брауна посетили Г.В. Вернадский, А.А. Васильев, В.М. Жирмунский с женой, Л.В. Щерба, В.Н. Бенешевич, А.А. Смирнов.

Летом 1927 г. С.Ф. Платонов побывал на Все-союзной конференции археологов, прошедшей в Севастополе в Херсонесе, и Ф.А. Браун всячески интересуется ее ходом, планами созыва археологического съезда, здоровьем Б.В. Фармаковского, изданиями и новостями Херсонесского и Керченского музеев. А с декабря 1928 г. центральной темой переписки двух ученых становятся раскопки на Мангупе и Эски-Кермене и проект организации совместной советско-германской экспедиции в Крым для их продолжения. Сам этот проект, оставшийся по большей части не реализованным, уже получал освещение в историографической литературе [53, с. 249–251; 54, с. 219–231]. Однако письма Ф.А. Брауна позволяют осветить его собственную роль в подготовке и попытках реализации данного проекта. Прежде всего, он сообщает, «что производство раскопок в стране Крымских готв – давняя мечта некоторых научных кругов Берлина. Несколько лет тому назад тут узнал, что во время оккупации Украины немецкими войсками в 1917–18 гг., серьезно думали осуществить этот план: заинтересовали в нем главнокомандующего там фельдмаршала Эйхгорна, назначили в Берлине даже уже комиссию из трех лиц, и все (между прочим и средства) было готово к отправке ее туда. Убийство Эйхгорна помешало тому, и дальнейшие быстро

и бурно прошедшие события заставили немецкое правительство отказаться от плана. <...> я бы очень просил Вас, дорогой Сергей Федорович, держать меня в курсе этого дела, памятуя, что крымские готы – моя первая научная любовь» [55, л. 14–14 об.]. Также Браун высказывает уверенность в том, что, по его мнению, этот вопрос должен заинтересовать бывшего министра просвещения Ф. Шмидт-Отта и возглавляемую им Ассоциацию содействия немецкой науке (Notgemeinschaft der deutschen Wissenschaft), которая способна выделить финансирование на организацию совместных раскопок.

Затем он пишет, что 5 марта 1929 г. прибыл в Берлин и участвовал во встрече, где также принимали участие, кроме пригласившего его Ф. Шмидт-Отта, секретарь Общества по изучению Восточной Европы Г. Ионас, крупнейшие немецкие археологи В. Унферцагдт и К. Шухардт, а также двое молодых археологов, которых он не знал. В итоге «мне пришлось прочесть им небольшой доклад о крымских готах. К моему искреннему удивлению, они совсем не были ориентированы в этих вопросах, кроме самых общих сведений, и все, что я им говорил, падало на очень благодарную почву (двое даже записывали, как на лекции!)». Вскоре у Брауна появляется идея самому принять участие в этих работах, он начинает мечтать «о жизни в крымских горах, когда-то мною исхоженных, да и о возможности подышать воздухом если и не вполне родным русским, то хотя бы полуродным крымским. Как было бы чудно, например, если бы Академия послала туда Вас “обер-комиссаром” для общего наблюдения за ходом работ, а меня послала бы Германия в той же роли, и мы бы с Вами составили бы коллегия суперарбитров для решения спорных вопросов и примирения интересов обеих участвующих сторон» [51, л. 4, 5].

В последующее месяцы Ф.А. Браун активно включается в разработку планов экспедиции, даже прикидывает ее штатный состав. Немалые опасения у него вызывало вмешательство в дело Государственной академии истории материальной культуры и лично ее председателя Н.Я. Марра, которые отрицательно отнеслись к идее совместной экспедиции. О своем старом знакомом и коллеге Браун пишет теперь не без скепсиса: «С ним всегда было трудно, а за последние годы с ним что-то произошло, что усиливает эту трудность. Теперь, вероятно, и готы уже не готы, а перегибы [неразборчиво. – И.Т.] как Русь и варяги. А кто придумал словечко “маразм”? Остро и умно!» [51, л. 25об.].

В итоге из-за финансовых проблем и инфляции, вызванной началом кризиса в Германии, в сентябре 1929 г. в Крым поехали только трое немцев: фрейбургский профессор археологии И. Зауер, руководитель восточноевропейского семинара Гамбургского университета Р. Саломан и сотрудник музея народоведения в Берлине Г. Финдейзен – и то не для раскопок, а только краткого знакомства с памятниками. Браун в по-

следующих письмах дает им характеристики и сообщает, что профессор И. Зауер остался очень доволен посещением крымских раскопок и будет настаивать на немецком участии в следующем году. Также Браун просил Платонова прислать ему подробную карту Крыма. Эта просьба, как и многие другие места в письмах, была подчеркнута красным карандашом чекистов. А вскоре она станет одним из пунктов обвинения С.Ф. Платонова, арестованному в ночь на 12 января 1930 г. Следователи обвиняли его в связи с германской разведкой, в частности в передаче ей «секретных» карт Крыма, купленных в обычном магазине [56, с. 64–65]. После этих трагических событий связи Ф.А. Брауна с советскими учеными обрываются, хотя он продолжал числиться еще и в 1930 г. в печатных списках АН СССР, а официального постановления об его исключении из Академии принято так и не было [48, с. 385].

Сведения о жизни Ф.А. Брауна после 1932 г., когда осенью он вышел в отставку по возрасту, очень скудны. Коллеги опубликовали статью к его 70-летию со списком основных трудов юбиляра [57]. Известно, что еще до конца летнего семестра 1933 г. он продолжал вести занятия в Лейпцигском

университете, хотя после прихода к власти нацистов происходит переориентация кафедры и института на изучение Юго-Восточной Европы. Можно только догадываться, что мог думать и переживать при установившемся в Германии гитлеровском режиме, ученый, большая часть жизни которого прошла в России, в Петербурге, вся научная деятельность которого была посвящена теме германо-славянских контактов. Немецкие источники приводят сведения, что из-за своей принадлежности к АН СССР Ф.А. Браун в 1937 г. даже попал в поле зрения тайной политической полиции – гестапо [58].

Умер Федор Александрович Браун в Лейпциге в разгар Второй мировой войны 14 июня 1942 г., не дожив немногим более месяца до своего 80-летнего юбилея. Похоронили его на Южном кладбище Лейпцига. Коротенькие некрологи появились только в издании Шведской Академии наук, членом которой он являлся с 1920 г. (Arne, 1942) и в издаваемой на русском языке в Берлине эмигрантской газете «Новое слово» (Некролог, 1942). В СССР по понятным причинам его смерть прошла незамеченной. Приемный сын ученого – Максимилиан Браун (1903–1984) продолжил традиции отца и стал профессором славянской филологии в Геттингенском университете.

Источники и литература

1. Жеребин А.И. У истоков русской германистики (профессор Ф.А. Браун) // Немцы в России: русско-немецкие научные и культурные связи / Отв. ред. Г.И. Смагина. СПб.: Изд-во Дмитрия Буланина, 2000. С. 14–21.
2. Свердлов М.Б. Ф.А. Браун – исследователь скандинавских источников по истории Древней Руси // Скандинавский сборник. Таллин: Ээсти Раамат, 1976. Вып. XXI. С. 221–225.
3. Тихонов И.Л. Археологические исследования Ф.А. Брауна в Северном Причерноморье // XVII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования / Ред.-сост. Зинько В.Н., Зинько Е.А. Керчь, 2016. С. 486–494.
4. Тихонов И.Л. Неоднократный декан историко-филологического факультета Ф.А. Браун // Материалы XXXI Всероссийской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Вып. 10. Секция истории филологического факультета. СПб., 2002. С. 8–13.
5. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 14. Оп. 3. Д. 21126.
6. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 8693.
7. Braun F. Die letzten Schicksale der Krimgoten. Jahresbericht der Reformierten Kirchenschule für 1889–1890. SPb., 1890. 130 s.
8. Рукописный отдел Научного архива Института истории материальной культуры РАН (РО НА ИИМК). Ф. 1. 1890 г. Д. 40.
9. Браун Ф.А. Мариупольские греки // Живая старина. 1890. Вып. 2. С. 79–92.
10. РО НА ИИМК. Ф. 1. 1890 г. Д. 40.
11. Отчет Императорской археологической комиссии за 1890 год. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1893. С. 15–21.
12. Бармина Н.И. Хронология Мангупской базилики (Опыт изучения) // Античная древность и средние века. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2005. Вып. 36. С. 307–318.
13. Бармина Н.И. Археологическое изучение Мангупской базилики в 1850–1930-е гг. (источниковедческий аспект) // Античная древность и средние века. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2009. Вып. 39. С. 409–422.
14. Герцен А.Г. 1983. История изучения оборонительного комплекса Мангупа // Развитие феодализма в Центральной и Юго-Восточной Европе / Отв. ред. М.Я. Сюзюмов. Свердловск, 1983. С. 88–104.
15. РО НА ИИМК. Ф. 1. 1892 г. Д. 103.
16. РО НА ИИМК. Ф. 1. 1890 г. Д. 207.
17. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 585. Оп. 1. Д. 5692.
18. РО НА ИИМК. Ф. 1. 1896 г. Д. 227.
19. Медведева М.В., Всевиов Л.М., Мусин А.Е., Тихонов И.Л. Глава I. Очерк истории деятельности Императорской археологической комиссии в 1859–1917 гг. // Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / Под ред. Е.Н. Носова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. С. 21–247.

20. РО НА ИИМК. Ф. 1. 1897 г. Д. 127.
21. РО НА ИИМК. Ф. 1. 1898 г. Д. 76.
22. Браун Ф.А. Отчет о раскопках в Таврической губернии в 1898 г. // Известия Императорской археологической комиссии. СПб., 1906. Вып. 19. С. 81–116.
23. Браун Ф.А. Разыскания в области готско-славянских отношений. I. Готы и их соседи до V века. Первый период: Готы на Висле. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1899. 412 с.
24. РО НА ИИМК. Ф. 2. Оп. 3. Д. 453.
25. Браун Ф.А. Фрианди, Шимон, сыновья варяжского князя Африана // Известия отделения русского языка и словесности АН. СПб., 1902. Т. VII. Кн. 1. С. 360–365.
26. Браун Ф.А. Сообщение о шведских рунических надписях, касающихся России и Византии. // ЗОРСА РАО. Протоколы СПб. 1904. С. 124–125. Т. 5. Вып. 2.
27. Браун Ф.А. Шведская руническая надпись, найденная на о. Березани // Известия Императорской археологической комиссии. СПб., 1907. Вып. 23. С. 66–75.
28. Браун Ф.А. Сообщение о работе над скандинавскими источниками о России: Рунические надписи и литературные памятники // Известия АН. Сер. 6. Т. 5. № 1. СПб., 1911. С. 24–32.
29. Браун Ф.А. Днепровский порог в Рунической надписи // Сборник археологических статей, поднесенных А.А. Бобринскому в день 25-летия председательства его в Императорской археологической комиссии. 1/II 1886–1911. СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1911. С. 270–276.
30. ОР РНБ. Ф. 585. Д. 2373.
31. Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1913 год. СПб: Типография Б.М.Вольфа, 1915. № 69. 230с.
32. ОР РНБ. Ф. 585. Д. 2372.
33. РО НА ИИМК. Ф. 1. 1912 г. Д. 165.
34. Ростовцев Е.А., Баринин Д.А. Преподавательская корпорация столичного университета 1884–1916 гг.: основные черты и проблемы коллективной биографии // Профессорско-преподавательский корпус российских университетов. 1884–1917 гг.: Исследования и документы / Науч. ред. М.В. Грибовский, С.Ф. Фоминых. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. С. 35–51.
35. Ростовцев Е.А., Андреева В.В. Кривое зеркало: университетская жизнь сентября-октября 1905 г. // Клио. 2015. № 7 (103). С. 71–88.
36. Юбилей профессора Ф.А.Брауна // Исторический Вестник. Ноябрь. СПб., 1913. С. 785.
37. Ростовцев Е.А. «Борьба за автономию»: корпорация столичного университета и власть в 1905–1914 гг. // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2009. Vol. 2. S. 75–121.
38. Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1908 год. СПб: Типография Б.М.Вольфа, 1909. № 64. 314 с.
39. Личный состав Императорского С.-Петербургского университета к 1 января 1909 г. (Приложение к) Отчету о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1908 г. / Под ред. Н.А. Медникова. СПб: Типография Б.М. Вольфа, 1909. 49 с.
40. Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1910 год. СПб: Типография Б.М. Вольфа, 1911. № 66. 169 с.
41. Музей истории СПбГУ. Ф. ФИК. Д. 110. Л. 25–27. Опубликовано: Левенстерн Е.А. Из истории преподавания иностранных языков в Санкт-Петербургском – Петроградском университете (1819–1918) // Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета: Материалы к истории факультета / Отв. ред. Богданов С.И. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2000. С. 176–187.
42. Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1911 г. / Под ред. Н.А. Булгакова. СПб: Типография Б.М. Вольфа, 1912. 283 с.
43. Пресняков А.Е. Письма и дневники. 1889–1927 / Ред.: Р.Ш. Ганелин, В.Н. Гинев, В.М. Панеях, сост. Д.Н. Лепин, А.В. Антощенко, Е.А. Ростовцев. СПб.: Санкт-Петербургский институт истории РАН, 2005. 967 с.
44. Беляева О.М. Академическое сообщество Петербургского университета в ректорство Э. Д. Гримма: конфликты в профессорской среде // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2011. Вып. 34. С. 215–235.
45. Гаврилова О.А., Петров В.В. «Надо уделять первостепенное внимание изучению прошлого университета...»: Петроградский/Ленинградский университет 1918–1931 гг. в воспоминаниях И.В. Егорова // Новейшая история России / Modern history of Russia. 2014. № 2. С. 227–256.
46. Тронская М.Л. 1973. Романо-германское отделение // Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы (1878–1918 гг.) / Под общ. ред. С.Н. Валка. Л.: Изд-во ЛГУ, 1973. С. 110–112.
47. ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 5701.
48. Тункина И.В. Н.Я. Марр и Ф.А. Браун: история взаимоотношений (1920–1925 гг.) // Stratum plus. 2000. № 4. С. 384–391.
49. Браун Ф.А. Первообытное население Европы. Берлин: Эпоха, 1924. 54 с.
50. Braun F. Die Urbervölkerung Europas und die Herkunft der Germanen. (Japhetische Studien. Bd. 1). Stuttgart: 1922. 91 s.
51. ОР РНБ. Ф. 585. Д. 2379.
52. Платонов С., Крачковский И., Ольденбург С. Записка об учёных трудах проф. Ф. А.Брауна // Известия АН СССР. № 18. С. 1517–1520.
53. Тункина И.В. К истории изучения «готской проблемы» в советской археологии 1920-х – начала 1930-х гг. // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров. М.: Институт археологии РАН, 2008. Т. III. С. 249–251.
54. Непомнящий А.А. Профессор Николай Эрнст: страницы истории крымского краеведения. Киев: Стило, 2012. 464 с.
55. ОР РНБ. Ф. 585. Д. 2378. Л. 14–14 об.
56. Академическое дело 1929–1931 гг. Вып. 1. Дело по обвинению академика С.Ф.Платонова. СПб: Библиотека АН, 1993. 296 с.
57. Goetz W., Steinhausen, Schönbaum H. G Friedrich Braun zum siebzigsten Geburtstage (mit Verzeichnis der Veröffentlichungen Fr. Brauns) // Archiv für kulturgeschichte. Leipzig, Berlin, 1933. S. 137–140.
58. Hölzer V. Braun Friedrich (Fëdor Aleksandrovič) // Sächsische Biografie. 2005. [Электронный ресурс]. URL: http://saebi.isgv.de/biografie/Friedrich_Braun_%281862-1942%29 (дата обращения 09.06.2016 г.)

References

1. Zherebin A.I. *U istokov russkoi germanistiki (professor F.A. Braun)* [At the source of the Russian German studies (Prof. F.A. Braun)], *Nemtsy v Rossii: russko-nemetskie nauchnye i kul'turnye svyazi* [Germans in Russia: Russian-German scientific and cultural connections], Otv. red. G.I. Smagina. Saint-Petersburg: Izd-vo Dmitriya Bulanina, 2000, pp. 14–21.
2. Sverdlov M.B. *F.A. Braun – issledovatel' skandinavskikh istochnikov po istorii Drevnei Rusi* [F.A. Braun – a researcher of Scandinavian sources in the history of Ancient Russia], *Skandinavskii sbornik* [Scandinavian collection of papers]. Tallin: Eesti Raamat, 1976, vyp. XXI, pp. 221–225.
3. Tikhonov I.L. *Arkheologicheskie issledovaniya F.A. Brauna v Severnom Prichernomor'e* [Archaeological research of F.A. Braun in the Northern Black Sea region], *XVII Bosporskie chteniya. Bospor Kimmeriiskii i varvarkii mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Issledovately i issledovaniya* [XVII Bosphorus conference. The Cimmerian Bosphorus and Barbarian World in Antic time and Middle Ages. Researchers and research], Red.-sost. Zin'ko V.N., Zin'ko E.A. Kerch', 2016, pp. 486–494.
4. Tikhonov I.L. *Neodnokratnyi dekan istoriko-filologicheskogo fakul'teta F.A. Braun* [Multi Dean of History and Philology Faculty F.A. Braun], *Materialy XXXI Vserossiiskoi nauchno-metodicheskoi konferentsii prepodavatelei i aspirantov, Sektsiya istorii filologicheskogo fakul'teta* [Papers of XXXI All-Russian scientific-methodological conference of professors and postgraduate students, Section of History of the Philological Institute]. Saint-Petersburg., 2002, vyp. 10, pp. 8–13.
5. TsGIA SPb. F. 14. Op. 3. D. 21126.
6. TsGIA SPb. F. 14. Op. 1. D. 8693.
7. Braun F. *Die letzten Schicksale der Krimgoten. Jahresbericht der Reformierten Kirchenschule fur 1889–1890*. Saint-Petersburg., 1890, 130 p.
8. RO NA IIMK. F. 1. 1890 g. D. 40.
9. Braun F.A. *Mariupol'skie greki* [Mariupol Greeks], *Zhivaya starina* [Alive antiquity], 1890, vyp. 2, pp. 79–92.
10. IIMK. F. 1. 1890 g. D. 40.
11. *Otchet Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii za 1890 god* [Report of the Imperial Archaeological Commission of 1890], *Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk* [Publishing of Imperial Archaeological Academy of Science], 1893, pp. 15–21.
12. Barmina N.I. *Khronologiya Mangupskoi baziliki (Opyt izucheniya)* [Chronology of Mangup Basilica (Experience of research)], *Antichnaya drevnost' i srednie veka* [Classical antiquities and Middle Ages], Ekaterinburg: *Izd-vo Ural'skogo universiteta* [Publishing of Ural University], 2005, vyp. 36, pp. 307–318.
13. Barmina N.I. *Arkheologicheskoe izuchenie Mangupskoi baziliki v 1850–1930-e gg. (istochnikovedcheskii aspekt)* [Archaeological research of Mangup Basilica in 1850–1930 (Source study aspect)], *Antichnaya drevnost' i srednie veka* [Classical antiquities and Middle Ages], Ekaterinburg: *Izd-vo Ural'skogo universiteta* [Publishing of Ural University], 2009, vyp. 39, pp. 409–422.
14. Gertsen A.G. 1983. *Istoriya izucheniya oboronitel'nogo kompleksa Mangupa* [1983. History of the research of Mangup's defensive complex], *Razvitie feodalizma v Tsentral'noi i Yugo-Vostochnoi Evrope* [Development of feudalism in Central and South-Eastern Europe], Otv. red. M.Ya. Syuzumov. Sverdlovsk, 1983, pp. 88–104.
15. RO NA IIMK. F. 1. 1892 g. D. 103.
16. RO NA IIMK. F. 1. 1890 g. D. 207.
17. OR RNB. F.585. Op. 1. D. 5692.
18. RO NA IIMK. F. 1. 1896 g. D. 227.
19. Medvedeva M.V., Vseviov L.M., Musin A.E., Tikhonov I.L. *Glava I. Ocherk istorii deyatel'nosti Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii v 1859–1917 gg.* [Chapter I. Historical article of the Imperial Archaeological Commission activities during 1859–1917], *Imperatorskaya Arkheologicheskaya Komissiya (1859–1917): K 150-letiyu so dnya osnovaniya. U istokov otechestvennoi arkheologii i okhrany kul'turnogo naslediya* [The Imperial Archeological Commission (1859–1917): To the 150th anniversary of foundation. At the source of national archeology and preservation of the cultural heritage], Pod red. E.N. Nosova. SPb.: Dmitrii Bulanin, 2009, pp. 21–247.
20. RO NA IIMK F. 1. 1897 g. D. 127.
21. RO NA IIMK F. 1. 1898 g. D. 76.
22. Braun F.A. *Otchet o raskopkakh v Tavricheskoi gubernii v 1898 g.* [Report about excavations in the Taurida province in 1898], *Izvestiya Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii* [Bulletin of Imperial Archeological Commission]. Vyp.19, Saint-Petersburg, 1906, pp. 81–116.
23. Braun F.A. *Razyskaniya v oblasti goto-slavyanskikh otnoshenii. I. Goty i ikh sosedi do V veka. Pervyi period: Goty na Visle* [Researches of Goth-Slavic relations. I. Goths and their neighbors until the V century. First period: the Goths on the Vistula], *Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk* [Publishing of Imperial Archaeological Academy of Science], 1899, 412 p.
24. RO NA IIMK. F. 2. Op. 3. D. 453.
25. Braun F.A. *Friandi, Shimon, synov'ya varyazhskogo knyazya Afriana* [Friandi, Shimon, sons of Norman Prince Afrian], *Izvestiya otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti AN* [Bulletin of the Department of Russian language and literatures]. SPb. 1902, T. VII, kn. 1, pp. 360–365.
26. Braun F.A. *Soobshchenie o shvedskikh runicheskikh nadpisyakh, kasayushchikhsya Rossii i Vizantii* [Report about Swedish runic inscriptions related to Russia and Byzantium], ZORSA RAO. protokoly Saint-Petersburg. 1904, T. 5, vyp. 2, pp. 124–125.
27. Braun F.A. *Shvedskaya runicheskaya nadpis', naidennaya na o.Berezani* [Swedish runic inscription found at Berezan Island], *Izvestiya Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii* [Bulletin of Imperial Archeological Commission], SPb., 1907, vyp.23, pp. 66–75.
28. Braun F.A. *Soobshchenie o rabote nad skandinavskimi istochnikami o Rossii: Runicheskije nadpisi i literaturnye pamyatniki* [Report about the exploration of Scandinavian sources about Russia: Runic inscriptions and literary sources], *Izvestiya AN*. Ser. 6. T. 5. № 1. SPb., 1911, pp. 24–32.
29. Braun F.A. *Dneprovskii porog v Runicheskoi nadpisi* [Dnipro threshold in the Runic inscription], *Sbornik arkheologicheskikh statei, podnesennykh A.A. Bobrinskomu v den' 25-letiya predsedatel'stva ego v Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii* [Collection of papers of archaeological articles to count A.A. Bobrinsky to the day of the 25th anniversary of his presidency of the Imperial Archaeological Commission], 1/II 1886–1911. Saint-Petersburg.: Tip. V.F. Kirshbauma, 1911, pp. 270–276.
30. OR RNB. F. 585. D. 2373.
31. *Protokoly zasedanii Soveta Imperatorskogo S.-Peterburgskogo universiteta za 1913 god* [Journal of Imperial St. Petersburg University Council 1913], № 69. Saint-Petersburg: Tipografiya B.M. Vol'fa, 1915.
32. OR RNB. F. 585. D. 2372.
33. RO NA IIMK. F. 1. 1912 g. D. 165.
34. Rostovtsev E.A., Barinov D.L. *Prepodavatel'skaya korporatsiya stolichnogo universiteta 1884–1916 gg.: osnovnye cherty i problemy kollektivnoi biografii* [Professors corporation of Saint-Petersburg University in 1884–1916: The main features and issues of

collective biography], *Professorsko-prepodavatel'skii korpus rossiiskikh universitetov. 1884–1917 gg.: Issledovaniya i dokumenty* [Professors corporation of Russian universities in 1884–1917. Research and documents], Nauch.red. M.V. Gribovskii, S.F. Fominykh. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2012, pp. 35–51.

35. Rostovtsev E.A., Andreeva V.V. *Krivoie zerkalo: universitetskaya zhizn' sentyabrya-oktyabrya 1905 g.* [Distorting mirror: University life in September–October of 1905], *Klio*. 2015, № 7(103), pp. 71–88.

36. *Yubilei professora F.A. Brauna* [Anniversary of Professor F.A. Braun], *Istoricheski Vestnik* [Historical bulletin]. Noyabr'. Sain-Petersburg., 1913, p. 785.

37. Rostovtsev E.A. «*Bor'ba za avtonomiyu*»: korporatsiya stolichnogo universiteta i vlast' v 1905–1914 gg. [“The struggle for autonomy”: Metropolitan University Corporation and Power in the 1905–1914 years], *Journal of Modern Russian History and Historiography*. 2009, Vol. 2, pp. 75–121.

38. *Protokoly zasedanii Soveta Imperatorskogo S.-Peterburgskogo universiteta za 1908 god.* [Journal of Imperial St. Petersburg University Council 1908] № 64. Saint-Petersburg: Tipografiya B.M. Vol'fa, 1909, 314 p.

39. *Lichnyi sostav Imperatorskogo S.-Peterburgskogo universiteta k 1 yanvarya 1909 g. (Prilozhenie k) Otchetu o sostoyanii i deyatel'nosti Imperatorskogo S.-Peterburgskogo universiteta za 1908 g.* [Staff of the Imperial St. Petersburg University till January 1, 1909 (Appendix to) Report about status and activities of the Imperial St. Petersburg University 1908], Pod red. N.A. Mednikova. SPb: Tipografiya B.M. Vol'fa, 1909, 49 p.

40. *Protokoly zasedanii Soveta Imperatorskogo S.-Peterburgskogo universiteta za 1910 god.* [Journal of the Imperial St. Petersburg University Council 1910], № 66. Saint-Petersburg: Tipografiya B.M. Vol'fa, 1911.

41. *Muzei istorii SPbGU. F. FiK. D. 110. L.25-27. Opublikovano: Levenstern E.A. Iz istorii prepodavaniya inostrannykh yazykov v Sankt-Peterburgskom–Petrogradskom universitete (1819–1918)* [From the history of teaching foreign languages in St. Petersburg–Petrograd University (1819–1918)], *Filologicheskii fakul'tet Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta: Materialy k istorii fakul'teta* [Philology Faculty of St. Petersburg State University: Papers about history of Faculty], Otv. red. Bogdanov S.I. Saint-Petersburg.: Filologicheskii f-t SPbGU, 2000, pp. 176–187.

42. *Otchet o sostoyanii i deyatel'nosti Imperatorskogo S.-Peterburgskogo universiteta za 1911 g.* [Report about status and work of the Imperial St. Petersburg University 1911], Pod red. N.A. Bulgakova. SPb: Tipografiya B.M. Vol'fa, 1912, 283 p.

43. Presnyakov A.E. *Pis'ma i dnevniki. 1889–1927.* [Letters and diaries. 1889–1927], Red.: R.Sh. Ganelin, V.N. Ginev, V.M. Paneyakh, sost. D.N. Lepin, A.V. Antoshchenko, E.A. Rostovtsev. Saint-Petersburg.: *Sankt-Peterburgskii institut istorii RAN* [Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Science], 2005, 967 p.

44. Belyaeva O.M. *Akademicheskoe soobshchestvo Peterburgskogo universiteta v rektorstvo E. D. Grimma: konflikty v professorskoi srede* [The academic community of St. Petersburg University during the principalship of E.D. Grimm: conflicts in professorial community], *Dialog so vremenem. Al'manakh intellektual'noi istorii* [Dialog with time. Almanac of intellectual history]. M.: *Institut vseobshchei istorii RAN* [Institute of General History of the Russian Academy of Science], 2011, Vyp. 34, pp. 215–235.

45. Gavrilova O.A., Petrov V.V. «*Nado udelyat' pervostепенnoe vnimanie izucheniyu proshlogo universiteta...*»: *Petrogradskii/Leningradskii universitet 1918–1931 gg. v vospominaniyakh I.V. Egorova* [“We must give priority to the study of the past of the University ...”: the Petrograd/Leningrad University in 1918–1931 in the memories of I.V. Egorov]. *Noveishaya istoriya Rossii* [Modern history of Russia]. 2014, № 2, pp. 227–256.

46. Tronskaya M.L. 1973. *Romano-germanskoe otdelenie* [1973. Department of Roman and German languages], *Sankt-Peterburgskie vysshie zhenskies (Bestuzhevskie) kursy (1878–1918 gg.)* [Saint-Petersburg High Women's (Bestuzhev) Courses (1878–1918)], Pod obshch. red. S.N.Valka. L.: Izd-vo LGU, 1973, pp. 110–112.

47. OR RNB. F. 585. Op. 1. D. 5701.

48. Tunkina I.V. *N.Ya. Marr i F.A. Braun: istoriya vzaimootnoshenii (1920–1925 gg.)* [N.Y. Marr and F.A. Braun: history of relations (1920–1925)], *Stratum plus*. 2000, № 4, pp. 384–391.

49. Braun F.A. *Pervobytnoe naselenie Evropy*. [Prehistoric people in Europe] Berlin: Epokha, 1924, 54 p.

50. Braun F. *Die Urbervölkerung Europas und die Herkunft der Germanen.* (Japhetische Studien. Bd. 1) Stuttgart: 1922, 91 p.

51. OR RNB. F. 585. D. 2379.

52. Platonov S., Krachkovskii I., Ol'denburg S. *Zapiska ob uchenykh trudakh prof. F. A. Brauna* [Note about scientific activities of prof. F.A. Braun], *Izvestiya AN SSSR* [Bulletins of Academy of Science of the USSR], № 18, pp. 1517–1520.

53. Tunkina I.V. *K istorii izucheniya «gotskoi problemy» v sovetskoi arkheologii 1920-kh – nachala 1930-kh gg.* [To history of «Gothic problem» in Soviet archeology 1920s – early 1930s], *Trudy II (XVIII) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda v Suzdale* [Papers of II (XVIII) All Russian archeological congress in Suzdal], Otv. red. A.P. Derevyanko, N.A. Makarov. M.: Institut arkheologii RAN, 2008, T. III, pp. 249–251.

54. Nepomnyashchii A.A. *Professor Nikolai Ernst: stranitsy istorii krymskogo kraevedeniya* [Professor Nicholas Ernst: pages of the history of the Crimean regional studies]. Kiev: Stilos, 2012, 464 p.

55. OR RNB. F. 585. D. 2378.

56. *Akademicheskoe delo 1929–1931 gg.* [Academic criminal trial 1929–1931], *Delo po obvineniyu akademika S.F. Platonova* [Criminal trial against S.F. Platonov], Saint-Petersburg: Biblioteka AN, 1993, Vyp. 1, 296 p.

57. Goetz W., Steinhausen, Schönbaum H. G Friedrich Braun zum siebzigsten Geburtstage (mit Verzeichnis der Veröffentlichungen Fr. Brauns) // *Archiv für kulturgeschichte*. Leipzig, Berlin, 1933, pp. 137–140.

58. Hölzer V. Braun Friedrich (Fëdor Aleksandrovič) 2005. URL: http://saebi.isgv.de/biografie/Friedrich_Braun_%281862-1942%29 (дата обращения 09.06.2016 г.).